

“Золотом и сердоликом ты велел обить передок седла...”

Альмира Янбухтина

Так поется в одной из старинных башкирских песен, записанных еще в прошлом столетии известным фольклористом С.Г.Рыбаковым и опубликованных в книге “Музыка и песни уральских мусульман”¹.

Представьте себе такое седло: кожаное, в золоченом убранстве, с сердоликовыми вставками. А седло по форме напоминает летящую птицу: его переднюю часть – передок – вырезали из дерева и нередко украшали, обивая серебром, в виде сказочной птицы. Птица-коть, Акбузат, Аргамак, Тулпар... А то и скачущий по бескрайней степи джигит на коне или юная красавица – сюжеты, вобравшие в себя характер и поэтику башкирского народа. “Да, скифы мы! Да, азиаты мы с раскосыми и жадными глазами”...

Красиво, богато изукрашенное седло – подарок глубоко символический для степняка. Возводить убранство верхового коня в ранг наивысшего искусства – древняя традиция, характерная для кочевого мира, в том числе и для башкир. На третьем курултае башкир в декабре 1917 года народ подарил своему предводителю Заки Валиди отличного скакуна с богато убранным старинным седлом, а к нему расшитую золотом дорожную сумку. По воспоминаниям Валиди, седло было украшено сердоликом, серебряные стремена позолочены².

Консервативно-устойчивая художественная культура

Скрепленные вместе
наğrudnik и наспинник
Начало XX века

Украшение с подвесками
Скань, чеканка

Наğрудник

Кораллы, серебряные монеты
Начало XX века

башкир, полукочевников, впоследствии оседлых скотоводов и земледельцев, формировалась преимущественно в традициях кочевой культуры. На протяжении веков, вплоть до начала двадцатого, художественные образы сводились к образам мифологическим и магиго-религиозным сюжетам, воплотившихся в бесконечном разнообразии бытовых предметов – подлинных произведениях декоративно-прикладного искусства.

Отсюда – тип и система национального художественного мышления этноса: осмысленные мироздания, небесных и земных проблем человеческого бытия закреплены в искусстве через систему знаков (тамга) – символов, через язык орнамента, с глубокой древности связанных с языческими представлениями, а примерно с XIII века канонами ислама. Согласно учению Всевышнего пророка Мухаммеда, искусство строится вне образа человека и человекоподобия, в отрицании его изображения. Потому искусство ислама отстранено от живого предметно-материального мира и несет в себе вечную идею постоянного вхождения в бесконечно божественное пространство, в котором “весь мир – поток метафор и символов узор”.

В орнаментально-декоративном искусстве башкир, связанном, согласно традициям кочевой культуры, более всего с художественной выработкой

предметов из тканей и мягких материалов (кожи, войлока, пряжи, конского волоса), сосредоточена основная творческая энергия народа, составившая сферу его духовного и материального бытия. Ярче всего эта особенность проявилась в убранстве верхового коня, в убранстве костюма — национальной одежды, а также жилища — войлочной юрты, оказавшей впоследствии сильное влияние на организацию внутреннего пространства избы. Последняя заметно сохранила в себе следы традиций и в современном сельском быту башкир в отдаленно-глубинных районах на востоке республики.

В истории каждого народа лучшей школой эстетического воспитания было создание и украшение своего дома, его предметно-бытовой среды. «Организуя свой дом, человек осваивал художественные ценности и традиции родной культуры, в процессе которой он чувствовал себя творцом, художником»³.

Традиционным типом жилища башкир-полукочевников была войлочная юрта, в которой жили с весны до поздней осени. В одной из народных песен поется: «Долины Урала так прекрасны, чтобы кочевать там в белых юртах». Круглая легкая деревянная конструкция переносного жилища (опытный человек соберет ее за два-три часа) плотно накрывалась большими кусками войлока (для этого они имели специальный крой). В несколько слоев войлоками, шкурами и коврами застилался пол юрты. В центре свода отверстие — окно, выход в небесное пространство. Здесь человек должен чувствовать себя органичной частью природы, земного и небесного пространства — Вселенной. Луна и звезды заглядывали сверху в каждую юрту, и

Седло

Дерево. Начало XX века

Пуховая шаль

Современная работа

Нагрудник. В центре

сердечниковая подвеска

Начало XX века

Кисеты

Вышивка. Начало XX века

каждый живущий в ней, по поверью, умеет с ними разговаривать. А за легкой войлочной перегородкой слышишь и чувствуешь дыхание степи: движение ветра, звон цикад, топот коней, пение птиц, вздох испуганного овечьего стада и где-то далеко голос поющего путника.

А в самой юрте весь предметный мир, каждая вещь — знак своей культуры, ибо все сделано своими руками, предками и даже детьми. И почти на каждую вещь ставилась метка — тамга: родо-племенной знак. Ими метили также и скот. Проводили даже праздники таврения скота. В кочевом мире система таврения всего ценного и сущего в быту свидетельствовала о преемственности и наследственности материальных и духовных ценностей в доме. Так конкретно осуществлялась традиция передачи культуры из поколения в поколение. Все в доме, в семье способствовало воспитанию детей в духе народных национальных традиций, способствовало естественному, органическому вхождению в свою культуру.

Таким образом, сформировавшаяся в народном жилище среда является результатом не только материальных, но и духовных устремлений народа. Крестьянское жилище — наш деревенский дом — одухотворенная, одушевленная среда, пространство и предметный мир которой создавались трудом талантливых мастеров, ремесленников, одаренных художников из народа. Важно, что среда эта создавалась личным участием самих членов семьи, и не одного поколения. Вспомним хотя бы, что в каждом доме женщины, например, были в той или иной мере обязательными носителями знаний, умений в традиционной культуре и искусстве.

Из поколения в поколение женщины ткали узорные скатерти, полотенца, большие занавеси *шаршау* для перегораживания жилища на мужскую и женскую половины, вышивкой украшали предметы домашнего убранства и одежды, валяли кошмы, катали валенки, которые также расшивались узорами, украшали в технике аппликации национальную войлочную обувь (*сарык*) и изготавливали чепраки под женское седло (*сергетыш*), подбитые войлоком, расшитые в технике аппликации и вышитые узорами типа “кускар”, дополняя традиционный декор цветными кисточками, бахромой.

Согласно закону ислама женщине предписано вести замкнутый, сугубо домашний образ жизни. В башкирском доме (в прошлом — юрте, кибитке) обозначалась и выделялась главная, мужская половина жилища, где принимали гостей, устраивали застолье. Другая половина — ашхана. Она отгорожена и разграничена большой домотканой, чаще всего ярко-красной узорной занавесью. Здесь сосредоточена кухонная утварь, готовили еду, здесь находились женщины и дети — словом, в этом небольшом пространстве дома сложился особый мир со своими привычными предметами, со своими звуками, запахами. Здесь в редкие свободные часы женщины предавались тихим размышлениям, песням, занимались шитьем, пряли и ткали. Л.Н.Лебединский, один из первых известных исследователей башкирского музыкального фольклора, пишет так: “Женщина-башкирка не имела права ни громко говорить, ни петь, ни смеяться, она тем не менее должна была искать пути к своему родному искусству. Тихое и нежное звучание кубыза едва слышно на

Башкирка в национальном костюме

Фартучек

Вышивка по ситцу
Начало XX века

Валенки с вышивкой
Современная работа

женской половине или в комнате: под его звуки можно тихо петь и тихо танцевать. Инструмент настолько мал, что хранение его или мгновенная утайка (его можно зажать в кулаке) не представляет труда”⁴.

Вообразим, как в тихий женский голос, ведущий нехитрую протяжную мелодию, влетают уютно к звучанию кубыза, то едва уловимое жужжание веретена, то методичные ритмы снующего челнока ткацкого стана, то вдруг нежный звон серебряных монет, и снова голос, таинственно-загадочный, почти шепот... Возможно, это молитва — намаз, в котором время от времени рефреном звучит, уже погромче: “Ля иллаха иллалла...”

Это всего лишь маленькие, едва уловимые штрихи к характеристике башкирского дома, к национальным особенностям его бытового уклада, к самой атмосфере жилища, к его культуре, в рамках которой безмянными мастерами создавались удивительно простые, нужные и красивые вещи. Многие из них являются подлинными уникальными произведениями искусства⁵.

¹ Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман. Спб., 1897.

² Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. первая. Уфа, 1994. С. 218.

³ Хан-Магомедов С.О. Дизайн и эстетическое воспитание // Техническая эстетика. 1986. № 4.

⁴ Лебединский Л.Н. Башкирские народные песни и наигрыши. М., 1965. С. 12.

⁵ См. об этом подробнее в монографическом исследовании А.Янбухтиной “Народные традиции в убранстве башкирского дома”. Уфа, 1993.